

Рядовой Афгана

–Едешь, бывало, на броне по узкой горной дороге, БТР бортом по скале скребёт, глянешь вниз, а там... твою дивизию, обрыв с километр. Думаешь: только бы не сорвался бронетранспортёр, - вспоминает пулемётчик Валерий ЛОБКО, на груди которого блестит медаль За отвагу». - Честно скажу, не помню, за что получил награду. С 2 февраля 1985-го по 3 февраля 1987 года я во всех боевых операциях 395-го мотострелкового полка в Афгане участвовал, поэтому сложно что-то выделить.

КАРАКУМЫ И «ДРОБЬ ШЕСТНАДЦАТЬ». В мой призыв из Беларуси в Афганистан отправили 250 ребят, из них 80 - из Гомеля, - начинает рассказ Валерий Лобко. - Привезли нас в учебку в туркменский город Иолотань. Рядом пустыня Каракумы, где температура днём + 50. Но ночью мы там чуть не умерли от холода. Чтобы спрятаться от ветра, стали рыть окоп, а его засыпает песком. Ветки саксаула решили разжечь, а они как порох вспыхивают и за десять секунд сгорают. В общем, прижались мы друг к другу всем отделением в кое-как вырытой яме. Так и переночевали.

Пока учился стрелять из всех видов оружия, жил в палатке на 30 человек. Холодно, сыро - под двухъярусную кровать вода затекала и замерзала за ночь. Что удивительно, никто не болел. Днём мы строили полигон, а по ночам ходили на стрельбы.

Ели бойцы сухую порошковую картошку, которую заливали кипятком. «Если этой смесью клеить обои, то отодрать их можно было бы, наверное, только перфоратором, - улыбается ветеран. - А ещё употребляли кашу «дробь

шестнадцать», которую назвали в честь размера перловых зёрнышек, совпадавших с параметрами 16 калибра (примерно 4 мм в диаметре)».

Вскоре на вертолёте новобранцев отправили в Кундуз. «Взлетаем - такое ощущение, что сейчас голова лопнет, - вспоминает рассказчик. - Смотрю на пацанов - у всех лица перекошенные. «Вот это да, - думаю, - куда мы попали?»

Прибыл Валерий в шестую роту 395-го мотострелкового полка, которая базировалась в Килагайской долине. «Целый месяц жизнь на заставе казалась малиной, - добавляет ветеран. - А потом пришла весна, и духи активизировались».

«ОГУРЕЧНЫЙ» ОБСТРЕЛ

- В армии я весил всего 63 килограмма. Когда шёл в горы, брал 12-килограммовый пулемёт, ленты с патронами, 12 гранат, два-три литра воды, сухпай, две мины и 12,7-миллиметровые патроны для крупнокалибра «Утёс», - перечисляет ветеран. - Надевал и 8-килограммовый бронезилет. Всё вместе завешивало на 40 килограммов. Идешь по горам и думаешь, если сейчас начнут стрелять, как же бежать во всей этой амуниции? Но когда начинался бой, становился шустрым, несмотря на вес. Помню, зашли на плоскогорье - внизу кишлак. «Там хороший колодец», - говорят солдаты. Пять наших пацанов пошли за водой. Мы остались их ждать. Тут начали по нам стрелять: тук-тук по камушкам. Мы ответили. Духи начали бить из гранатомёта. А пацанов нет, рацию они с собой тоже не взяли. Душманы стали стягивать силы. Вперёд не пойдёшь - там кишлак. Если влезем, мясорубка чёрт знает какая будет. Пацаны наконец вернулись, и тут по

нам как начали молотить. Ротный командир вызвал по радиации артиллерию, назвал квадрат, где мы сидели, и попросил направить сюда три «огурца» (снаряда) Говорит нам: «Пацаны, слушай мою команду. Быстро уходим отсюда!» У нас было секунд пять-десять, чтобы выскочить со своих мест и броситься назад. Только перебежали, как за нашими спинами снаряды легли. Командир, чтобы нас спасти, несколько раз вызывал огонь на себя. Всё обошлось. Вот только моего дружка - Сашу Дмитриева из Могилёва - духи зацепили из бура (английской винтовки). Попали в ногу, и я поволок Лёву с Могилёва, как мы его называли, на «броню» (бронетранспортёр). С отстреленной коленной чашечкой парня комиссовали после первого в его жизни боя.

«НА СЛЁЗЫ ВРЕМЕНИ НЕТ»

—Особенно тяжело переживались первые потери, - признаётся Валерий Лобко. - Но потом ты понимаешь - на слёзы времени нет. Надо что-то делать, надо служить. Однажды нас расстреляли собственные танкисты. Командование решило перед операцией в Панджшерском ущелье провести боевые стрельбы. Приехала комиссия посмотреть, какие мы brave солдаты. Устроили для них показуху. Мы выдвинулись. И что получилось, ёшки-матрёшки! Горы там невысокие, а мы ни на одну сопку подняться не можем. Духи молотят и молотят по нам. Мы даже не ожидали, что рядом с полком столько духов. Одному пацану душманы из бура сразу две ноги прострелили, а второму в шею пуля попала. В конце дня мы стали возвращаться на «броню». Я прикрывал отход взвода с двумя бойцами - узбеком Фахретдином и

сержантом Валерой. Присели отдохнуть. Только встали - разорвался снаряд. Меня об землю немножко шмякнуло. В ушах позвенело с недельку, и всё прошло. Узбека в руку и ногу ранило, а Валере тому... был без каски... осколок вошёл в затылок и вышел из лба. Мы его до госпиталя дотащили. И всё... умер. Мне тогда было 20, а ему 21. Спросил у танкистов, почему стреляли. «Мы думали - духи», - отвечают. «Да ты в бинокль глянь, даже в прицел, и то видно, кто мы такие», - говорю. Даже без оптики мы были в зоне видимости. Ну да ладно... - вздыхает ветеран. - Мне потом сослуживцы рассказывали, что поначалу на памятниках пацанам из Афгана запрещали даже писать, что погиб при исполнении интернационального долга.

ИЗ ОФИЦЕРОВ ВЫЖИЛ ОДИН

- В августе 1986 года я уже был «дедом». Нам дали задание прочесать «зелёнку» (кусты) в районе Джелалабада, - продолжает Валерий. - То ли разведка плохо сработала, но когда до ближайшего дувала нашей роте оставалось метров 70, духи как накатили по нам: били из миномётов, гранатомётов, пулемётов, снайперских винтовок и безоткатных орудий. Твою ж дивизию! Как молотнули нас... Комбата первого завалили, потом взводного моего, пацанов-связистов покосили. Снайпер, сволочь, двух человек снял! Замполит на месте умер. Ещё молодой был. Моего года рождения. Только приехал в Афган, месяца два пробыл, не больше. И всё... Пуля прошла его шею навылет и застряла в руке бойца, который стоял рядом. Причём офицеры на погонах ручкой едва заметно звёзды нарисовали, но опытный глаз снайпера их всё равно вычислил. Из всех офицеров только командир

роты остался в живых. Может, из-за своего маленького роста. Меня же спасло то, что я успел прыгнуть в арык (ручей), поросший высокими кустами.

Долго мы там кувыркались, пока не вызвали по рации артиллерию. Снаряды стали бить по ближайшему дувалу, а мы поползли по арыку, чтобы забрать погибшего комбата. Только высунулись, а духи, зараза, как начали молотить! Три раза заходили, не могли вытянуть нашего командира. Всех пацанов погибших забрали, а его не можем. А офицера оставлять ни в коем случае нельзя. В общем, вытащили мы нашего командира вместе с разведротой. Помню ещё, замкомзвода Миша Лапотников услышал по рации, что мы попали в засаду. Он два километра один через «зелёнку» с автоматом наперевес бежал нас выручать. Ему тогда три пули в грудь засадили, но он выжил. Через много лет услышал по телевизору до боли знакомый голос. Смотрю - наш Миша. Этот двухметрового роста парень в армии был худой, как велосипед, а на «гражданке» поправился.

НА СЫРОМ ПАЙКЕ

- Как-то нас десантировали с вертушки в Вальямское ущелье. Сказали, что боевая операция займёт всего три дня, поэтому солдаты решили не брать много сухпайка, - делится случаем ветеран. - Мы заняли позицию, перекрыли ущелье, и духи не прорвались. На третий день ночью пошёл дождь, и с восходом солнца нас накрыл плотный туман: всё кругом - как молоко. Вертушки за нами прилетели, а забрать не могут. Боятся задеть лопастями скалы. На следующий день снова туман. Вертолёты скинули тук с сухпайком, но он улетел в ущелье. На четвёртые

сутки мы почувствовали сильный голод. А нас больше 50 бойцов, что делать? Пошли в кишлак, «зацепили» стадо коз. Соли, хлеба, даже сухарей нет. Дров нет - всё кругом мокрое, - рассказывает о пережитом Валерий. - Наломали кустарника. Под плащ-палаткой стал я разводить костёр, дую на ветки, а они почти не горят. Мясо козы, которое я занёс над костерком, только слегка нагрелось. Как говорится, горячее сырым не бывает. Но этих коз мы съели практически сырыми и решили в часть возвращаться пешком. По дороге нашли в кустах выброшенные солдатами года два назад консервы с кашей. Хоть банки и заржавели, но еда не испортилась. Сгрузили мы нашу «добычу» в котёл и пустили по кругу. И даже заместителя комполка угостили. Дошли в итоге аж до ледника, а оттуда пять часов след в след топали по минному полю. В общем, выбрались.

ВОТ ЭТО МУЗЕЙ!

- Периодически у нас были стычки с бандой инженера Салима. Он учился в военном училище вместе с нашим комполка Леонидом Мазуром, - рассказывает Валерий. - Несмотря на войну, они сохранили дружеские отношения. Даже поздравляли друг друга с днём рождения. Вот такой парадокс. Салим приглашал Мазура в качестве гостя посетить банду, но наш командир отказался.

Помню ещё, разговорился я как-то с бойцом из Царандой (войска Министерства внутренних дел Афганистана). Спрашиваю: «Сколько осталось служить?» «Три месяца», - отвечает. «А потом куда?» - «Пойду работу искать» - «А если не найдёшь?» - «К духам пойду. За три года меня в Царандой научили стрелять. Душманы деньги платят, а

мне семью кормить как-то надо». «И будешь потом по своим же царандоевцам стрелять?» - «А что делать? У меня семья, сёстры, братья маленькие. Отцу помочь надо». Такое вот житейское отношение к этому было у афганцев, - делает вывод ветеран. - Не хочу хвалиться, но и я стрелял неплохо. Для проверки навыка комбат дал мне 35 патронов и сказал поразит из пулемёта мишени. У меня поели стрельбы 12 патронов осталось. Командир не поверил. Выдал снова 35. Отстрелялся. Стали проверять ленту, а там 14 патронов. Не помню за два года ни одного человека, кто повторил бы мой результат. А у другого пулемётчика вся лента пошла в расход и одна цель осталась не уничтоженной. Я просто так к своему пулемёту приловчился, что мог выстреливать всего по два патрона.

Во время оказания помощи царандоевцам наблюдал я и такую картину. Едем на «броню», а на крышах лежат афганские бойцы с кремневыми ружьями, калашами, винтовками М14, ППШ, маузерами, шмайсеками, бурами и трёхлинейками. Смотрю и думаю: «Вот это музей оружия!» И на фоне этого дети нам в руки арбузы бросают. Приветствуют.

ДОМОЙ, КАК НА БОЕВУЮ ОПЕРАЦИЮ

- Когда возвращался на дембель, честно, не думал, что еду домой, - признаётся ветеран. - Два года службы был в движении. Едешь на «броню» - отдыхаешь. Остановился БТР - ноги в руки - и в горы. У меня было ощущение, что я покатаюсь по горам и назад в свою казарму к пацанам вернусь. Погода была нелётная, поэтому на дембель мы отправились из части на пяти бронетранспортёрах. Хотел подарки

родным из Афгана привезти, но новый комбат чего-то разозлился, вскрыл каптёрки и забрал у солдат всё, что они приготовили для родных. У меня забрали платок для матери, часы и ручку.

Только мы отъехали километров семь от части - одна машина заглохла. Прапор командует: «Возвращаемся». А мы: «Какое возвращаемся?» Пересели в оставшиеся четыре и поехали домой, как на боевую операцию. Прапор говорит: «Не обижайтесь, едем под бронёй. Если вас зацепит, с меня по полной спросят». 200 километров мы ехали, как шпроты в консервной банке.

Прибыли ночью в Харатон. Через границу пограничники нас не пропустили, сказали ждать до утра и предложили перекантоваться в казарме. Мы разобрали сваленные в кучу кровати и уснули на металлической сетке. Утром пограничники ощупали наши карманы и на КАМАЗах под тентом через Мост Дружбы нас перевезли в Узбекистан. Здесь высадили и сказали идти пешком пять километров до города Термеза. Потом ещё пять суток добирался на поезде из Душанбе до Москвы. Дальше Гомель, а оттуда я поехал к маме в село Серовка Злынковского района Брянской области. Мать увидела - в слёзы: вернулся...

- Если бы не Афган, я стал бы, наверное, другим человеком. Думаю, хуже, чем есть, - подытоживает повествование бывший рядовой Валерий Лобко. - Афган научил человеческим отношениям. У нас в роте было 24 национальности. Не скажу, что всё было безоблачно, особенно по молодости. Могли поспорить, «поцарапать» друг друга. Но в горах никто никого не бросал. Иначе бы не выжили.

Дмитрий ЧЕРНЯВСКИЙ, «В»